

ТЫНЯНОВСКИЕ СБОРНИКИ

Издаются с 1984 года

2008

ТЫНЯНОВСКИЙ СБОРНИК

выпуск 13

- ДВЕНАДЦАТЫЕ
 - ТРИНАДЦАТЫЕ
 - ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ
- ТЫНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
- ИССЛЕДОВАНИЯ
 - МАТЕРИАЛЫ

Водолей

УДК 82.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)
Т93

Издание осуществлено при поддержке фонда «Династия»,
Р.А. Абрамовича и при участии Р.М. Янгирова,
С. Гардзонио, А. Основата, Е. Погосян и членов редколлегии

Редколлегия:

М.О. Чудакова (отв. ред.), Е.А. Тоддес, Ю.Г. Цивьян

Редактор выпуска:

Е.А. Тоддес

Т93 Тыняновский сборник. Выпуск 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы – М.: Водолей, 2009. – 680 с.

ISBN 978–5–91763–002–1

Сборник содержит работы и публикации новых материалов по истории литературы XVIII–XXI вв., истории кино, библиографии русских филологов (включая формалистов и «младоформалистов»). Раздел «Филологические мемуары» – традиционный для сборников. Раздел «К истории советского общества» представляет читателю материалы к изучению советского прошлого.

УДК 82.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Технический редактор *А. А. Шадлов*
Корректор *А. Ильина*

Подписано в печать 02.04.09. Формат 60х90/16 Бумага офсетная. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Печ. л. 42,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 257

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

ISBN 978–5–91763–002–1

© Авторы статей, 2009
© Редколлегия, 2009
© «Водолей», оформление, 2009

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Причудливая история выхода "Тыняновских сборников" на этот раз обернулась следующим образом.

В состав данного выпуска включены материалы Двенадцатых чтений – та их часть, которая с согласия большинства участников была изъята из предыдущего, 12-го выпуска (в него мы включили "Дневник последнего года" А.П. Чудакова), наряду с некоторыми другими работами. Все это, в соответствии с обещанием редколлегии, печатается теперь.

В настоящий том входят также материалы Тринадцатых чтений (18-21 августа 2006 г., Резекне, Латвия) и две работы (Р. Тименчика и М. Чудаковой – статья об А. Митрофанове), доложенные на Четырнадцатых чтениях (прошли там же 16-19 августа 2008 г. с особым успехом, зафиксированным всеми участниками, и были отмечены несколькими удачными дебютами). Редколлегия сожалеет, что другие участники последних чтений не воспользовались страницами данного тома (их работы будут помещены в следующем выпуске); некоторые даже поторопились опубликовать свои доклады в литературных журналах – вопреки тем намерениям укрепить "корпоративный порядок", которые были высказаны накануне конференции и обсуждались в Резекне.

Считаем нужным обратить особое внимание читателей на сообщение Е.Пажитнова о трагической судьбе киевской свойственницы Михаила Булгакова. Несомненно, в семье рано или поздно узнали о расстреле безвинной женщины в декабре 1920 года, как только Крым был занят большевиками, – но никогда и нигде не упоминали о трагедии. Это – существенное биографическое обстоятельство и важный биографический подтекст творчества Булгакова, которому выпало с марта 1920 года и до конца дней жить под советской властью.

В последние месяцы и недели перед сдачей сборника в печать пришли печальные известия о людях, связанных с нашими сборниками и Чтениями. Почтим здесь память известного историка и археолога Александра Александровича Формозова. Он был человеком чести. Суровый расчет с тоталитарной эпохой, предпринятый в его книгах последнего десятилетия, – моральный урок, преподанный им сегодняшней конформистской и косной академической среде.

6 апреля 2009 г. в Мэдисоне после долгой мучительной болезни скончался выдающийся русский филолог Юрий Константинович Щеглов, профессор Висконсинского университета.

Елена Погосян

**"ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИЯ"
ОФИЦИАЛЬНОГО КАЛЕНДАРЯ
В ПРАВЛЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ**

В России XVIII века официальный календарь существовал в двух ипостасях. Во-первых, начиная с 1725 г. в *печатных календарях* (название которых со временем менялось) публиковалась роспись праздничных дней. Такие росписи служили своего рода программой для организации официального быта. Во-вторых, на материале придворных журналов можно восстановить годовой круг придворных торжеств, то есть *придворный календарь*, который далеко не всегда совпадал с росписями печатных календарей. Отношение этих двух форм официального календаря к церковному календарю постоянно менялось на протяжении XVIII в.

Роспись для календаря на 1725 г. была подготовлена еще при жизни Петра I и при его прямом участии. Роспись включала дни, которые ежегодно "празднуются бывают", а именно: "царские" праздники (рождения, тезоименитства, коронации лиц царской семьи), викториальные и орденские дни. Праздники церковного календаря в эту роспись не были включены – речь шла только о *гражданских торжествах*. Перенесение мощей св. Александра Невского было внесено в нее в память о заключении мира со Швецией, а день памяти апостола Андрея Первозванного – как орденский праздник. В царствование Екатерины I росписи сохраняли статус списка гражданских торжеств. Но уже в первом календаре, изданном при Петре II, ситуация меняется.

Традиционно календари открывались собственно "месяцесловом" (календарем "по течению месяцев"), который представлял собой таблицу, где были помещены названия месяцев, числа, сведения астрономического характера и святцы. Самое широкое поле оставлялось чистым и предназначалось для поденных записей владельца календаря. Вслед за тем шли другие разделы, в том числе и "Роспись". В календаре на 1728 г. в эту таблицу "по течению месяцев" были дополнительно внесены гражданские торжества¹. При такой организации календаря гражданские торжества оказывались наглядно соположены со списком основных церковных праздников. А с 1729 г. сам список церковных праздников оформляется специальным образом: часть из них (при этом не только двенадцатые) обозначаются курсивом или киноварью. Эта

практика приживется, и при Анне состав выделенных церковных праздников будет значимо меняться, как, разумеется, и состав гражданских торжеств (Погосян, 163-182; 308-365).

Принципиальные изменения в отношении гражданских и церковных праздников произошли в календаре на 1741 г. Список торжеств, напечатанный в нем, был озаглавлен: "Роспись оных *господских* праздников и *статских* торжественных дней, в которые от публичных работ дается свобода". Статус росписи, таким образом, изменился: теперь это не список "статских" дней, которые празднуют ежегодно, а список табельных (выходных) дней. А потому, естественно, в него были внесены не только гражданские торжества, но и основные "господские" праздники (числом 27). Приведем список праздников церковного календаря, получивших в 1741 г. статус табельных, полностью:

- 6 января – Богоявление Господне.
- 2 февраля – Сретение Господне.
- 25 марта – Благовещение пресвятой Богородицы.
- 9 мая – День чудотворца Николая.
- 29 июня – Праздник Святых Апостолов Петра и Павла.
- 6 августа – Преображение Господне.
- 15 августа – Успение пресвятой Богородицы.
- 8 сентября – Рождество пресвятой Богородицы.
- 14 сентября – Воздвижение честного креста Господня.
- 1 октября – Покров пресвятой Богородицы.
- 21 октября – Введение во храм пресвятой Богородицы.
- 6 декабря – День чудотворца Николая.
- 25 декабря – Для праздника Рождества Христова, 24, 25, 26 и 27 число.

- Четверток, пятков и суббота сырной недели.
- Пятница и суббота Страстной недели.
- Воскресение, понедельник и вторник Светлой недели.
- Вознесение Господне.
- Для сошествия Святого Духа, воскресение и понедельник.

Накануне вступления Елизаветы на престол, таким образом, отношение официальных гражданских торжеств к церковным праздникам принципиально изменилось: ранее они принадлежали к разным календарям, хотя, конечно же, в повседневном быту, в том числе и придворном, сосуществовали. Граница между календарем "статским" и церковным, которую прочертил Петр I, была стерта².

Отношение Елизаветы к хронологии не являлось нейтральным, хотя у нее и не было постоянного и напряженного интереса к календарю, как у ее отца.

Елизавета не стремилась "манипулировать" временем, как это делал Петр, и только в отдельных случаях назначала важные для нее события на значимые даты. Так, например, осенью 1741 г. она относила осуществление переворота на 6 января 1742 г., день Богоявления, а мир со Швецией в 1743 г. подписала 19 августа, в тот же день, когда Петр в 1700 г. объявил Швеции войну³. То, что Елизавета в большинстве случаев не слишком заботилась о датах, видно, например, из того, что свое коронавание она первоначально назначила на 23 апреля, и только по представлению Трубецкого оно было перенесено на 25-е – первое воскресенье после Пасхи (дату, которая была впоследствии интерпретирована как значимая в панегирических сочинениях, посвященных коронации (Сморжевских-Смирнова, 49-67)). Еще более беспечно Елизавета отнеслась к срокам бракосочетания наследника, которые изменялись несколько раз на протяжении марта – июля 1745 г. Наконец свадьба была назначена на то же 19 августа, годовщину мира со Швецией, и вновь перенесена. "Бракосочетание, – доносил 20 августа английский посланник, – которое должно было совершиться вчера, отложено до завтра, а по некоторым слухам, до следующего воскресения" (Гиндфорд, 320).

Другой сферой, где постоянно возникали вопросы, связанные с символикой календаря и хронологии, было исправление Библии, за которым императрица внимательно следила (Указы, №№ 1146, 1168 и др.; запросы о ходе исправлений, составленные от имени императрицы, были написаны рукой ее духовника, то есть продиктованы лично Елизаветой). Среди прочего исправлению подвергалась хронология "первопечатной московской Библии" 1663 г. (Указы, №№ 1081, 1102 и др.). Хронология исправлялась по греческим книгам, а даты из Библии 1663 г. выносились на поля. В результате библейская хронология в определенном смысле теряла статус символической и обретала определенную относительность.

Наконец, Елизавета внимательно следила за синхронностью отправления церковных ритуалов в пределах если не империи, то, по крайней мере, столицы. При ней праздничные службы начинались в Петербурге "по сигналу". В 1746 г., например, в придворном журнале было записано, что "в большой придворной церкви всенощное пение" на Пасху началось именно по специальному сигналу (Журнал 1746). В 1750 г. императрица издала именным указ "О времени начатия в день Святой Пасхи утрени", где было подробно расписано количество пушечных выстрелов, которые должны указывать на время совершения того или иного ритуала (Указы, № 1152).

То есть можно говорить, что сама императрица, если она и была озабочена вопросами библейской хронологии, то в целом разделяла представления правщиков Библии об относительности хронологических ритмов и об условности этого типа хронологической символики времени, где длительность, например, потопа (600 или 601 год) не имеет принципиального значения. От самой же Елизаветы исходили инициативы, связанные, напротив, с реальным временем

ритуала, ей была важна не столько символика "исторического" библейского, сколько безусловность сакрального времени ритуала.

Первый этап изменений, связанных с воцарением Елизаветы Петровны, отразился уже в календаре на 1742 г.⁴ Елизавета взошла на престол 25 ноября, и у Синода было время внести изменения как в церковный, так и в гражданский календарь на следующий год.

2 декабря 1741 г. Синод рассматривал вопрос "О табели высокотожественных и викариальных дней". Такого рода табели предназначались для рассылки к началу церковного года в "обретающиеся во всей Российской империи" церкви и монастыри, а также священникам российских дипломатических миссий. В постановлении 2 декабря 1741 г. было записано: "Напечатанную августа 13 дня сего года о высокотожественных и викариальных днях табель исправить вновь со изъятием из оной известных персон, и с ней в Московской Типографии напечатать вновь" (Указы, № 8). Табель, напечатанная 13 августа 1741 г., по указу Синода была "отобрана" и возвращена в Синод. В новую табель были внесены "торжества" (тезоименитство, восшествие на престол, день рождения императрицы и "начало нового лета"). Кроме того, в ней были все основные петровские "виктории":

- 27 июня – Славная виктория под Полтавою над шведами.
- 10 июля – Турецкая акция, по литургии молебное пение.
- 27 июля – Взятие фрегатов при Ангуте и при Гренгаме.
- 9 августа – Взятие Нарвы, по литургии молебен с звоном.
- 30 августа – Торжество святого Благоверного Великого Князя Александра Невского.
- 28 сентября – Виктория над генералом Левенгоуштом.
- 11 октября – Взятие крепости Шлютельбургской.
- 30 ноября – Торжество святого апостола Андрея Первозванного⁵.

Новый календарь на 1742 г. только частично пересекался с описанной табелью. Он составлен по модели календаря за 1741 г. Сюда были внесены лишь поправки в царских днях: день рождения, тезоименитство и восшествие на престол Иоанна Антоновича, а также дни рождения и тезоименитства правительницы Анны Леопольдовны и ее супруга Антона Ульриха были исключены и введены новые⁶. Все остальное, включая список праздников церковного календаря, причисленных в 1741 г. к табельным, не изменилось. В списке светских торжеств из "викторий" Петра I была по-прежнему лишь Полтава.

На первый взгляд, как мы видим, объявленное Елизаветой возвращение к ценностям петровской эпохи в гражданском календаре отражения не получило. Тем не менее можно осторожно предположить, что Елизавета была уверена

в том, что петровские победы должны праздноваться не как гражданские, а именно как церковные праздники, а потому входить в состав табели, а не росписи гражданского календаря.

Указанием на такую позицию императрицы является и изменение, сделанное относительно 30-го августа. В календаре на 1741 г. в этот день значился как "кавалерский праздник св. Александра Невского, и воспоминание замирения с Шведскою короною", в календаре на 1742 г. в названии осталось только "Кавалерский праздник св. Александра Невского". Такое изменение было, в первую очередь, связано с тем, что "замирения" больше не существовало, – Россия находилась в состоянии войны со Швецией. На этом, однако, изменения в статусе этого петровского праздника не заканчиваются.

29 августа 1743 г., через десять дней после заключения мира со Швецией, "именным указом за подписанием собственной Ее Императорского Величества руки" Елизавета потребовала сообщить ей "мнение" Синода касательно ее намерения "установить крестный ход 30 августа в Санкт-Петербурге, из церкви Казанской Божией Матери в Невский монастырь <...> для украшения службы Божией и обрядов церковных". Первый ход должен был иметь место уже на следующий день, 30 августа. Елизавета спрашивала "о пристойности сего дела" и о том, "каким порядком оной церемонии быть". Синод констатировал, что намерение императрицы "весьма есть пристойное", и "церемонии надлежит быть так, как в Москве бывает" (Указы, № 438). А 13 сентября 1743 г. последовал новый указ императрицы: "В предбудущие годы оное крестное хождение отправлять на тот день" (Указы, № 446). Елизавета, как мы видим, заботится о том, чтобы связать свое заключение мира со Швецией с днем заключения Ништадтского мира. Но вовсе не считает при этом нужным восстановить этот праздник в печатном календаре, то есть в списке гражданских праздников, где под 30 августа продолжает значиться только кавалерский день ордена св. Александра Невского. Таким образом, новый Шведский мир (как и старый) не был при Елизавете гражданским торжеством: это единственное до конца 1750-х гг. "историческое деяние" императрицы имело характер *только церковного праздника*, который отмечался теперь ежегодным крестным ходом.

На этом первом этапе сложения "елизаветинского" календаря следует, как мы видим, говорить не столько о "десекуляризации" его в целом, сколько о "сакрализации" петровских "викторий" (а с ними и заключения мира со Швецией самой Елизаветой).

На 1745-1746 гг. приходится первая при Елизавете волна значительных изменений в календаре.

Еще 12 июля 1742 г. императрица издала первый указ о введении нового церковного праздника в состав табельных дней. "В день празднества Нерукотворного Образа, августа 16 дня, – говорилось в нем, – казенных никаких работ не производить", как "ныне", так и "впредь с сего указу" (Постанов-

ления, № 135; Материалы АН, 289, № 235). В ноябре 1742 г. Синод послал в Академию наук поправки к новому календарю на 1743 г. В указе Синода говорилось: "По присланному календарю и по учиненной в нем на полях отметке, не только во днях рождения и тезоименитства Его императорского высочества по течению месяцев, но и в *рописании господских праздников* исправить" (Материалы АН, 437). В календаре на 1743 г. в "рописании господских праздников" появился "день празднества Нерукотворного Образа". Объявление 16 августа табельным днем можно истолковать как в контексте "антипротестантских" жестов императрицы в первый год царствования (*Погосян, Сморжевских*), так и в связи с событиями, которые происходили в ночь переворота 1741 г. (*Pogosjan*). В любом случае установление этого нового табельного дня в календаре на 1743 г. становится началом целой серии подобного рода изменений, которые имели место в 1745-1746 гг.

В календаре на 1745 г. в список дней, "в которые от публичных работ дается свобода", были внесены два дополнительных праздника:

26 сентября – День Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова.

8 ноября – день Архистратига Михаила.

Решение о такой поправке к календарю было объявлено Синодом 7 ноября 1744 г. "А прочие, – констатировали члены Синода, – господские, и богородичные, и нарочитых святых праздники <...> в сегоднем календаре внесены все" (Указы, № 764; Материалы АН, № 259).

К осени следующего года, однако, выяснилось, что в список табельных дней следует добавить еще несколько церковных праздников. В календарь на 1746 г. были внесены:

Страстная седмица вся (ранее выходными были только пятница и суббота Страстной недели).

24 июня – День рождения Святого Пророка и Крестителя Господня Иоанна.

29 августа – Усекновение честной главы честного, славного Пророка Предтечи и Крестителя Иоанна.

Постановление об этих дополнениях было издано Синодом 18 ноября 1745 г. В Синод обратилась "де сиенс академия" с вопросом: "не будет ли в наступающем 746-м году каких праздников или от обыкновенных работ увольнительных дней, которые <...> российского календаря в роспись внести надлежит". В ответ Синод постановил: "Празднуемые дни святому пророку и Крестителю Господню Иоанну рождения его июня 24-го, и честной его главы усекновения августа 29-го числа, також страстную седмицу всю <...> в выше-

означенную роспись включить" (Указы, № 928). Таким образом, количество табельных дней увеличилось в 1746 г. еще на семь⁷.

Сразу же следует отметить, что из четырех новых табельных дней, посвященных памяти "нарочитых святых", три связаны с именем Иоанна (два – с Иоанном Крестителем и один – с евангелистом Иоанном). Иоанн Креститель был тезоименным святым дяди императрицы царя Иоанна Алексеевича и находящегося в заключении малолетнего царя Иоанна Антоновича. К сожалению, материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют определить, находилось ли введение именно этих трех праздников в список табельных в каком-либо отношении к судьбе двух названных царей и, если это так, пытался ли Синод своим решением воздействовать на императрицу или же ей самой почему-то нужны были эти праздники.

В самом конце росписи календаря на 1746 г. появляется еще одно новшество: чтобы подданные Елизаветы проводили все девять новых выходных дней как надлежит, в конце списка табельных дней была приложена подробная инструкция. В инструкции говорилось:

"При сем же от Святейшего Правительствующего Синода в наставление объявляется. Что в оные празднуемые и воскресные и к покаянию подлежащие дни, должно уволенным от работ с прочими свободными всякого звания, чина и достоинства православновосточной церкви людям, как во оные, так и в другие празднуемые ж дни, по узаконению святой церкви и по опубликованным в народе указам, на славословие Божие к вечернему всенощному и утреннему пению; паче же к Божественной литургии, с достоулыным благоговением в церкви Божии ходить непременно. Чего как духовным, так и светским командирам по долгу звания их над подчиненными с крайним попечением наблюдать неотменно".

Наконец, в том же календаре на 1746 г. в титул императрицы добавлено было слово "благочестивейшая".

Таким образом, в 1745-1746 гг. в "Санкт-Петербургском календаре", который издавался при Академии наук и был изданием светским, появились изменения, которые свидетельствуют об усилении влияния церкви на официальный календарь. Эти изменения вели к резкому увеличению табельных дней в году и потому, конечно же, могли быть осуществлены только с согласия императрицы и, скорее всего, по ее инициативе.

В те же годы происходят и заметные изменения в придворных журналах.

Во-первых, меняется отношение составителей к тому, что именно должны журналы фиксировать. Если еще в 1745 г. здесь отмечаются "происшествия", имевшие место при дворе, – преимущественно придворные торжества и "походы" императрицы, а остальные дни даже не упоминаются, то уже вторая запись в журнале за 1746 г. гласит: 2 января "при дворе ЕИВ *происхождения, касающегося к записке, не имелось*" (Журнал 1746, 6). Записи, таким образом, ведутся теперь не по событиям⁸, а по датам, отчасти напоминая летописную

манеру. Эта система, конечно же, полностью не выдерживается: довольно много дней по-прежнему выпадает, но в целом журнал за 1746 г. много подробнее, чем предшествующие, и довольно регулярно фиксирует, например, рядовые воскресные службы и проповеди в придворных церквях. Так, под 12 января записано: "*Воскресенье, по литургии проповедь придворного проповедника дьякона Степана Савицкого, в галерее курга*" (Журнал 1746, 12). Такого рода записи в журнале регулярно встречаются и далее.

Сведения о проповедниках в предыдущие годы, как правило, отсутствовали даже при описании больших праздников. Теперь же составитель указывает не только имя проповедника, но и ряд дополнительных деталей. 5 января, например, в навечерие праздника Богоявления, журнал сообщает, что "вечерню в придворной церкви Сретения служил Федор Дубенский", а "многолетие читал дьякон Иван Лаврентьев". В 1744 г. этот день в журнале вообще пропущен, а в 1745 г. было указано лишь, что ЕИВ "изволила слушать часы" в церкви св. Николая (Журнал 1744, 1; Журнал 1745, 153).

Сам праздник Богоявления под 6 января в журнале за 1744 г. также не упоминался, в 1745 г. лишь кратко сообщается о литургии. В 1746 же году мы узнаем из журнала, что литургию в церкви Сретения опять служит духовник императрицы, "при окончании оной литургии в оной церкви началось шествие со кресты и со святыми образами: при чем первенство имел и со крестом шел Платон, архиепископ Сарский и Подонский"; что дорога к Иордани была покрыта красным сукном, а по льду – коврами, что по сторонам стояла Лейб-компания, что из церкви шли через большое крыльцо к Адмиралтейству и по спуску на Неву, после молебна кропили полковые знамена, а при погружении креста звучала пушечная пальба (Журнал 1746, 6-7). Так же подробно описаны здесь и другие церковные праздники. Мы, например, узнаем все детали того, что происходило при дворе на Благовещение (Журнал 1746, 46), при том, что Елизавета в этот день из своих покоев не выходила, поскольку праздник пришелся на Страстную неделю, а незадолго до того было объявлено о смерти Анны Леопольдовны, – событие, которое глубоко потрясло императрицу. Другое торжество, Иордань 1 августа, в 1744 г. не отражена в журнале; в 1745 г. в "день торжественного праздника Происхождения честных древ", как сообщает журнал, Елизавета была в Летнем дворце в церкви Благовещения у литургии, а потом вышла на Иордань, "которая устроена была на реке Мье (Мойке) у новой пристани и служили молебен". В 1746 г. описание еще подробнее: журнал сообщает, что кавалеры были у обедни в придворной церкви "в богатом платье", а дамы в самарах, "из церкви пошли через залу со кресты на Иордань, сделанную в канаве", крест нес Стефан Новгородский, перед погружением палили из пушек, поставленных перед дворцом на Фонтанке, потом вернулись в церковь (Журнал 1745, 44; Журнал 1746, 79).

Кроме того, журналы теперь отмечают, что делала императрица и в дни тех церковных праздников, которые не были табельными. Если ранее они,

например, не указывали того, что она делала 25 сентября, в день памяти св. Сергия Радонежского, то в 1745 г. журнал отметил, что Елизавета отправилась "на Литейную часть в церковь Преподобного Отца Сергия Игумена, Радонежского Чудотворца, в которой изволили слушать литургию", а потом в Новом летнем дворце в 6-м часу начался маскарад, были выставлены карточные столы, а позднее подали вечернее кушанье. В 1746 г. Журнал уже сообщает, что в навечерие праздника императрица присутствовала на освящении новой церкви "на Литейной стороне Сергия чудотворца" и в этот день "при дворе были в цветном платье", а 25-го Елизавета была в новоосвященной церкви у обедни, а кавалеры и дамы вновь "имели ко двору приезд для праздника св. Сергия в цветном платье", имелся кургаг и играла итальянская музыка (Журнал 1745, 97; Журнал 1746, 91). В 1746 г. впервые появилось и сообщение о том, что делала императрица 22 октября: "изволила ездить к обедни к празднику в церковь Казанской Пресвятой Богородицы" и в честь праздника "при дворе были в цветном платье" (Журнал 1746, 95).

Придворные журналы, таким образом, демонстрируют те же изменения, которые мы видели в календаре: присутствие церковных праздников в записях придворных журналов заметно усиливается к 1745-1746 гг. Отметим сразу же, что эти изменения могут быть определены и несколько под иным углом: и официальный календарь ("программа" придворного ритуального года), и придворные журналы (официальное, выступающее в функции идеологического документа и обращенное к "внешнему наблюдателю" – наследникам и будущим историкам императрицы – описание ежедневного времяпрепровождения монархини) к 1745-1746 гг. значительно приблизились к тому, чтобы отражать реальный повседневный быт Елизаветы, которая, как нам известно из самых разнообразных источников, "была очень религиозна, строго блюла все посты и исполняла обряды", не пропускала ни одной службы и "следила за порядком богослужения и правильностью церковной обстановки" (*Богословский*, 133)⁹. То есть чем подробнее повседневный быт императрицы отражался в придворных журналах, тем больше праздников церковного календаря в нем оказывались упомянутыми.

Интересные материалы о том, каким было отношение императрицы к Синоду в первые годы ее правления, дают записки обер-прокурора Синода Я.П. Шаховского. В самом начале нового царствования Шаховской рисует отношение Синода и императрицы следующим образом. С одной стороны, Синод имел своих "предстателей" у Елизаветы, через которых он мог непосредственно докладывать ей о делах, касающихся церкви, и испрашивать скорейшего решения этих дел. "Духовник императрицы (Федор Дубянский. – *Е.П.*), – пишет Шаховской, – был всегда им добрый предводитель, слепо им пленяясь, но еще и первейший тогда в особенной милости и доверенности у ЕИВ находящийся господин обер-егермейстер граф Алексей Григорьевич Разумовский приятством с ними обходился и в особенных надобностях всегда

предстателем был". Еще одним, не отмеченным Шаховским предстателем был, несомненно, глава Синода архиепископ Новгородский Амвросий, который имел прямой доступ к императрице и определенное влияние на нее (он умер в 1745 г.).

Императрица, однако, находила необходимым следить за деятельностью Синода непосредственно через обер-прокурора, и потому "скоро угодно ей стало, – указывает Шаховской, – прямо через меня указы и многие словесные свои повеления <...> производить и всякие сведения о духовных делах и доклады через меня же получать" (*Шаховской*, 53). Более того, с помощью Шаховского Елизавета вела двойную игру с Синодом: она, с одной стороны, обещала, в том числе через Разумовского и Дубянского, свои милости, с другой – искала с обер-прокурором возможности соблюсти государственную пользу. Так, в 1744 г. в Москве, "за несколько дней перед торжествами Шведского мира"¹⁰ Елизавета советовалась с Шаховским о передаче Коллегии экономии, которая следила за доходами архиерейских домов и монастырей, в ведение Синода. Елизавета хотела "исполнить" обещанную Синоду милость, но сохранить доходы казны, и Шаховской придумал для этого способ, за что и получил вскоре чин тайного советника и орден св. Анны (*Шаховской*, 54-55). Из этих записей обер-прокурора видно, что Синод вместе с Разумовским, Федором Дубянским и Амвросием составляли одну "партию" по вопросу о церковных делах при дворе и императрица покровительствовала им публично. Шаховской, который строго следил за исполнением петровских указов, представлял другую "партию", и этой партии Елизавета, по мнению обер-прокурора, сочувствовала хоть и тайно, но искренне.

Но уже по возвращении двора в Петербург в 1745 г. ситуация изменилась. Шаховской замечает, что императрица "несколько поотменне ко мне стала и не так часто и откровенно, как прежде, со мною о делах говорить соизволила, что иногда несколько меня в горопливую осторожность приводило" (*Шаховской*, 64). Так, обер-прокурор из-за "забывчивости" императрицы оставался без жалованья почти год; он явно раздражал Елизавету, что выражалось в публичный выговорах, например, об ошибках в богослужебных книгах или о том, что в "новосделанной при полку Коинной гвардии церкви <...> где по приличности надлежало быть живо изображенным ангелам, поставлены разные, наподобие купидонов, болваны" (*Шаховской*, 59, 64). К этому же времени теряет свое влияние на императрицу и Синод. Показательно, что члены Синода в этот период идут на временное "перемирие" с обер-прокурором и по ряду вопросов совместно ходатайствуют перед императрицей, поддерживая друг друга.

Реальную же силу в решении вопросов, связанных с церковью, представляет теперь духовник императрицы. Шаховской приводит пример, который очень точно характеризует эту ситуацию. Он пишет:

Приехал в Петербург из Афонских гор, из одного греческого монастыря архимандрит, родом малороссиянин, изрядного вида, не глуп, смел и по-

литику употреблять по приличности умеющий. Он прежде не Святейшему Синоду, как бы ему долженствовало, но к духовнику ее величества, протирею Дубянскому явился и немедленно с лучшими тогда из придворных певчих спознался и сказывал им, что он привез между прочим с собою по несколько оригинальных частей злата, ливана и смирины, кои при Рождестве Христу Спасителю нашему цари и волхвы в дар принесли, и сими рассказами он умел очень скоро их многомоцию так поправить, что они не токмо Святейшему Синоду, но и многим знатым персонам в городе его порекомендовали, и тотчас об нем и о привезенных им таких неоцененных вещах слух разнесся. <...> Начал по призыву в некоторых знатных господь дома приходить, молебны петь и оные привезенные с ним вещи показывать" (*Шаховской*, 68).

Рассказ Шаховского крайне интересен. Шаховской, как и члены Синода, относится к Дубянскому несколько иронично, называя духовника императрицы "его многомоцией" и подчеркивая, что к его рекомендациям преимущественно прислушиваются знатные дамы. Иронию можно заметить и в описании архимандрита, приехавшего "из Афонских гор", – Шаховской подчеркивает его "светские" достоинства. К святыням, которые этот архимандрит привез в Петербург, Синод отнесся с недоверием, полагая, что они могут быть "обманными" (*Шаховской*, 71). Наконец, в рассказе Шаховского деятельность архимандрита в Петербурге не связана с церковью, она "частная" и "светская": по "частной", полученной от духовника императрицы, а не от Синода рекомендации он "по призыву" служит в домах знатных петербургских дам и показывает там привезенные святыни. Возмущение и членов Синода, и Шаховского вызывает, таким образом, не столько нарушение правил ("как долженствовало"), а то, что гость, с поощрения духовника императрицы, становится частью "моды на набожность", которая, как можно полагать, сделалась важной чертой светской жизни Петербурга в подражание тому, что происходило при дворе.

Усиление роли церковных праздников в официальном календаре, как видно из "Записок" Шаховского, совпадает с ослаблением влияния Синода на императрицу. Елизавета наконец, и в первую очередь со смертью Амвросия, освободилась от внутренней необходимости подчинять свои религиозные представления позиции Синода.

И именно тогда перед императрицей встает сложная проблема, имевшая прямое отношение к этим ее представлениям. "Во весь 1745 год императрица, – указывает Соловьев, – ни разу не присутствовала в Сенате: она была очень занята делами внешними; по ним были частые доклады канцлера, происходили в дворце советы или собрания в присутствии императрицы, которая также иногда присутствовала инкогнито и при конференциях канцлера и вице-канцлера с министрами иностранными". 3 октября 1745 г. Елизавета решила на то, чтобы выступить против Пруссии. "Для русских интересов, – говорила Елизавета в этот день на конференции по внешним делам, – усиление

прусского короля не только не полезно, но и опасно: приходя от времени до времени в большую силу, он может когда-нибудь согласиться со Швецией по своему там влиянию и предпринять что-нибудь против здешней империи, а с другой стороны возбудить и турок. На дружбу его отнюдь полагаться нельзя". Тогда же она приказала отправить из Лифляндии и Эстляндии в Курляндию такое число полков, какое можно будет расположить на зимних квартирах (Соловьев, 347, 369).

Но отношение Елизаветы к прусскому королю определялось не только "русскими интересами" и лицемерием Фридриха II, который, по ее мнению, готов был в любой момент нарушить любой договор. Английский посланник в Петербурге в октябре и ноябре 1745 г. доносил, что Елизавета в частном кругу говорила о Фридрихе: "Он несомненно очень *порочный монарх и Бога не боится* <...> Над всем святым он смеется, в церковь никогда не ходит". Сама же императрица, указывая посланнику, "в данном случае действует *искренно* и вполне решила поддержать курфюрста саксонского. <...> Подписав бумаги <...> ЕИВ взяла эти бумаги в руки и, опустившись на колени перед иконою наиболее чтимого ею святого, призвала его в свидетели, что решение свое приняла по убеждению *в правоте святого исполнения своих обязательств* и призывала благословение неба на русское оружие" (Гиндфорд, 347, 356). Австрийскому послу она, разговаривая с ним на балу "о нравственности вообще и обязанности коронованных особ", сказала: "Король прусский думает, что так как он не коронован, то может совершать всякие крайности, я удивляюсь, как это Господь не проявит своего чуда над этим злостным государем" (Богословский, 134-135). Елизавета считала себя орудием в руках Всевышнего в надвигающейся войне, что, как можно полагать, в определенной степени объясняет ее несколько экзальтированную религиозность в этот период и было одной из причин "десекуляризации" официального календаря.

В 1748 г. обе тенденции 1745-1746 гг. – и увеличение количества церковных праздников в официальном календаре, и приближение его к реальному быту императрицы – получают наконец окончательное оформление.

Во-первых, в календаре на 1748 г. появляется новая формулировка в списке торжеств: "в оный день *при дворе* бывает...". То есть календарь теперь прямо ориентирован на то, чтобы "забегая вперед" отражать все, что произойдет при дворе в течение года. Новая формулировка, таким образом, касается, в первую очередь, статуса календаря – он становится "придворным". Во-вторых, здесь кроме списка табельных дней были помещены три других списка торжеств. Вслед за табельными днями шел список под заглавием: "Сверх вышеписанных праздников бывают еще при дворе повсегодно в следующие дни торжества"¹¹. Далее следовала "Роспись высокаторжественным и викариальным дням, в которые бывают *молебствия*, и отправляются в Санктпетербурге *Крестные хождения*". Календарь, который должен быть программой того, что произойдет при дворе и что обычно при дворе "бывает", не только, как мы видим,

указывает на табельные церковные праздники, но и дает отдельным списком перечень всех основных церковных праздников, которые *отмечаются при дворе* (даже если они не являются табельными). Вместе с другими днями, "в которые бывают молебствия", в печатный календарь вернулись петровские "виктории". Наконец, третий список включал "Роспись бываемым повсегодно в разных месяцах и числах *поминовениям и панихидам*".

Следует отметить, что Елизавета с самого начала своего правления заботилась о том, чтобы список дней поминовения был полным и все они обязательно отправлялись ежегодно. Уже 4 января 1742 г. Синод издал указ, который был бы невозможен без личного разрешения императрицы. Указом "об исправлении формуляра преставившихся персон Императорской Фамилии" предписывалось исправить "прошлого 1741 года июня 15 дня именные реестры": внести в список "о отправлении января 17 дня на память благоверного государя Цесаревича и великого князя *Алексея Алексеевича*, да августа 29-го на память тезоименитств великих Государей Цесаревичей и великих князей *Иоанна Алексеевича*"¹² и *Иоанна Васильевича*, поминовения", поскольку этих "торжеств отправляемо быть уже не имеет". Кроме того, было указано внести в список дни рождения и тезоименитства цесаревен Анны Алексеевны и Наталии Алексеевны. Эти дополнения касаются родственников Елизаветы – двух ее дядьев и двух теток; исключение составляет вышущенное, видимо случайно, тезоименитство Ивана Грозного. 27 июля 1743 г. Синод издал указ "О поминовении Государынь Цесаревен Анны Петровны и Наталии Петровны", сестер Елизаветы, а 20 января 1745 г. он был повторен с указанием отправлять поминовение в указанные дни "неотменно" и "повсегодно". Наконец, в том же 1745 г. Елизавета обнаружила, что в реестрах о поминовении пет дня рождения ее матери, императрицы Екатерины Алексеевны. 20 ноября 1745 г. Синод издал указ "О возстановлении церковного поминовения Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны" в день 6 апреля по всем церквам и "без упущения" (Указы, №№ 26, 420, 809, 931). В 1748 г., как мы видели, весь список панихид и поминовений, уже "без упущений", был внесен в печатный календарь.

Завершает процесс "десекуляризации" официального календаря указ, изданный 11 января 1751 г. "О помещении в Академических Ведомостях сообщений о совершаемых в Высочайшем присутствии священнослужениях и церковных процессиях". В указе говорилось: "В высокаторжественные ЕИВ и праздничные, и викариальные дни <...> сказываны слова Божия *проповеди*, а временно и Божественные *литургии, молебствия и крестоходные* со освященным собором *процессии* отправляемы бывают, а об оном <...> ради должнейшего и достопамятного известия во упомянутых Ведомостях, равномерно, *яко и о протчих светских обстоятельствах* во оных изображается, включать весьма надлежит" (Указы, № 1196). То есть церковные события придворной жизни должны были теперь регулярно освещаться в "Ведомостях" наряду с событиями светской жизни.

Церковному календарю, таким образом, в определенном смысле было возвращено то место в официальном быту, которое он занимал в допетровскую эпоху. Но светские формы придворного торжества, которые при Петре были введены для празднования гражданских торжеств (существовавших параллельно церковному календарю и за его пределами), при дворе Елизаветы не только сохранились, но по размаху, интенсивности и своим эстетическим качествам намного превосходили то, что существовало при Петре. В дни больших церковных праздников, введенных в состав официального календаря самой же Елизаветой, за церковными службами и крестными хождениями следовали теперь театральные представления, балы и маскарады, а в зависимости от важности праздника, дамы были в "робах", "самахах" или просто "цветном платье".

Второй важный перелом в развитии официального календаря при Елизавете приходится на начало 50-х гг. В календаре на 1752 г. были сняты все три новые росписи ("Сверх вышеписанных праздников бывают еще при дворе повсегодно в следующие дни торжества", "Роспись высокаторжественным и викариальным дням, в которые бывают молебствия, и отправляются в Санктпетербурге Крестные хождения" и "Роспись бываемым повсегодно в разных месяцах и числах поминовениям и панихидам"). Далее, из заглавия списка табельных дней после слов "дни, в которые", было изъято "при дворе ЕИВ *бывают* торжества" и оставлено "от публичных работ *дается свобода*". Кроме того, здесь были сняты и некоторые разъяснения, касающиеся того, что происходит при дворе в те или иные праздники:

6 января – "во оный день против двора ЕИВ на Неве реке бывает Иордань".

25 марта – "в оный день при дворе бывает трактование Лейбгвардии конного полку Штаб- и Обер-офицеров".

"День сошествия Святого Духа" – "в который день при дворе бывает трактование Лейбгвардии Измайловского полку Штаб- и Обер-офицеров".

6 августа – "в оный день при дворе бывает трактование Лейбгвардии Преображенского полку Штаб- и Обер-офицеров".

21 ноября, в праздник Введения во храм пресвятой Богородицы – "в оный день бывает при дворе трактование Лейбгвардии Семеновского полку Штаб- и Обер-офицеров".

24 ноября – "Орден кавалерии Святой Екатерины".

Из календаря на 1752 г., как мы видим, праздники церковного календаря и праздники придворные были исключены и оставлены только табельные дни (по статусу – общегосударственные праздники). То есть это снова был календарь для общего пользования, обретший ту функцию, которую он исполнял с 1741-го и до 1745-1746 гг.

Внешне как будто отменяется то, что Елизавета делала ранее с целью "десекуляризации" календаря. Но это не совсем так. Укажем хотя бы на тот факт, что в 1760 г. был наконец установлен первый "елизаветинский" викариальный праздник. Указ о нем, изданный 30 июля¹³, сообщал "о назначении 1 августа церковного празднества в память победы, одержанной над прусскою армиею при Франкфурте 1 августа 1759 года" (Указы, № 11644). Елизавета, как мы видим, устанавливает в честь военной победы *церковное празднество*.

Вернее было бы говорить о том, что в 50-е гг. "календарная культура" становится более сложной и разнообразной. Наряду с "Санкт-Петербургским календарем" начинает выходить "Придворный календарь". Впервые при Елизавете он был напечатан в 1747 г., причем в двух вариантах, с картинками и без, потом в 1749 и 1751 гг. Далее следует перерыв до 1758 г., после чего он начинает выходить уже регулярно. В конце царствования Елизаветы издавался "Карманный календарь <...> великого князя Павла Петровича", который выходил тиражом от трехсот до пятисот экземпляров и дополнительно содержал материалы общеобразовательного характера (то есть, по сути дела, это был "календарь школьника"). Появление же новых типов календарей ведет к разделению их функций.

"Десекуляризация" официального календаря в 1740-е гг. была, прежде всего, результатом религиозности самой императрицы и ее представлений о роли и предназначении христианского монарха. Предложенный обзор официального календаря в отношении к церковным праздникам не затрагивает вопросов о природе и особенностях этих ее воззрений, без чего вполне понять логику развития рассматриваемого культурного феномена, конечно же, невозможно. Наш обзор, однако, позволяет наметить хронологию основных изменений официального календаря и определить самый общий характер таких изменений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ При этом отдельный список дней, которые "повсегодно празднуемы бывают", также сохранился.
- ² Вопрос о том, что послужило причиной этих изменений и кто был их инициатором, автор настоящей статьи планирует осветить в отдельной публикации.
- ³ 4 сентября 1743 г. Елизавета издала именной указ о передаче в Сенат для опубликования "мирного трактата, заключенного в Абове 7 августа 1743 г.", с "высочайшею ратификациею, последовавшею 19 августа" (Указы, 129). Императрица, как мы видим, намеренно отложила ратификацию на этот день.
- ⁴ При Елизавете он издавался под заглавием "Санкт-Петербургский календарь".
- ⁵ Две даты в этом списке днями воспоминания военных побед не являются – "торжество Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского", то есть день

заклочения мира со Швецией, и орденский праздник – "Торжество Святого апостола Андрея Первозванного".

⁶ Список торжеств в календаре на 1742 г. включал:

10 февраля – Рождение Его Королевского Высочества Петра владетельного герцога Шлезвиг-Гольштинского, внука Государя Императора Петра Великого.

29 июня – Тезоименитство Его Королевского Высочества Петра владетельного герцога Шлезвиг-Гольштинского, внука Государя Императора Петра Великого.

5 сентября – Тезоименитство ЕИВ <...> Елисавет Петровны.

25 ноября – Вступление на Всероссийский престол ЕИВ <...> Елисавет Петровны.

18 декабря – Рождение ЕИВ <...> Елисавет Петровны.

⁷ После 1746 г. при Елизавете число табельных дней по случаю церковных праздников было увеличено только однажды. 18 апреля 1759 г. Синод издал указ "О прекращении публичных работ сверх положенных трех дней во всю неделю св. Пасхи и о внесении сего в календари" (Указы, № 11326).

⁸ Следует отметить, что первый журнал при Елизавете (за 1741-1742 гг.), который вел "тайный кабинет-секретарь" барон Иван Антонович Черкасов, хоть и был "событийным", как и журналы за 1743-1745 гг., но принципиально от них отличался. Черкасов ведет записи в стилистике петровских, а не аннинских журналов: он фиксирует занятия императрицы, а не ритуальную практику двора, внося в журнал сведения о переездах, прогулках, посещениях Сената и т. п., а не порядок процессий и количество тостов в дни официальных торжеств. Записи Черкасова отражают период, когда придворный быт в начале нового царствования только формируется, они создают картину "творящегося на глазах ритуала", когда любое событие при дворе может стать частью ритуального кода и единственно правильной календарь еще не известен.

⁹ Отметим еще одно изменение в ведении придворных журналов, которое не имеет отношения к церковному календарю, но отражает тенденцию приближения официального ритуального кода, описанного в журналах, к реалиям придворного быта. С 1745 г. здесь все чаще начинает встречаться имя Алексея Григорьевича Разумовского. Елизавета не только находит удобным покидать свою резиденцию во время торжеств по случаю событий государственной важности, чтобы провести время с Разумовским, но и позволяет вносить сведения о такого рода поездках в журналы. Так, в 1745 г., во время торжеств по случаю бракосочетания наследника, Елизавета, оставив во время "вечернего кушанья" гостей в своем Зимнем дворце за "фигурными" столами, сама уехала ужинать "у матушки его сиятельства обер-егермейстера и кавалера графа Алексея Григорьевича Разумовского" (Журнал 1745, 81). Сразу по окончании торжеств по случаю бракосочетания наследника императрица отправляется в имение Разумовского Гостилицы и там празднует свое тезоименитство. При этом и состав приглашенных, и ход самих торжеств мало чем отличаются от того, что происходит в загородных резиденциях самой императрицы. Пребыванию в Гостилицах в 1745 г. был посвящен специальный "Журнал шествия ЕИВ из Санктпетербурга в Царское село, в Петергоф и в Гостилицкую мызу сего 1745-го года августа с 31-го сентября по 11-е число". Из него мы узнаем, что Елизавета прибыла в Гостилицы из Петергофа 3 сентября, где обедала при пушечной пальбе, и такой же обед повторился и на следующий день. 5 сентября, в

день тезоименитства, императрица "изволила слушать Божественную литургию в полковой церкви Преображения Господня", потом имел место обед на 40 персон, здоровья пились при пушках, трубах и литаврах, после обеда играла итальянская музыка и был бал "в помянутой же зале, и поставлены были <...> фрукты"; потом до 12-ти часов ночи играли в карты и было "прочее увеселение", наконец, подали ужин, а "против дома его сиятельства имелась иллюминация". 6 сентября Елизавета "с придворными кавалеры изволила шествие иметь верхом в охотничьем платье в поле за охотою". Увеселения продолжались до 9 сентября, когда императрица отбыла в Царское Село (Журнал 1745, 173-177). В 1746 г. журнал зафиксировал посещение ею Разумовского – "того дня он был имянинник" (Журнал 1746, 43).

¹⁰ Шаховской ошибочно называет 1745 г., но поездка императрицы в Москву для празднования мира имела место в 1744 г.

¹¹ В этом списке были:

8 января – орден Прусской кавалерии.

3 февраля – орден кавалерии св. Анны.

23 июля – орден Польской кавалерии.

1 Августа – происхождение честных древ честного и животворящего Креста Господня: во оный день при дворе бывает Иордань.

¹² В издании постановлений Синода ошибочно напечатано "Александра Александровича" и "Ивана Александровича".

¹³ Отметим, что Елизавета, как и ранее, принимает решения об установлении тех или иных торжеств в самый последний момент, а не планирует празднование заранее (как это делал, например, ее отец).

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов – Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санктпетербургском Сенатском архиве за XVIII в. Т. III. 1740-1762. Сост. П. Баранов. СПб., 1878.
- Богословский – Богословский М.М. Императрица Елизавета Петровна // Три века. СПб., 1913. Т. 2.
- Гиндфорд – Допесения, инструкции и письма и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе за 1744-1745 гг. // Сб. РИО. Т. 102. СПб., 1898.
- Журнал 1741-1742 – Придворный журнал. 1741-1742 гг. СПб., 1883.
- Журнал 1743 – Журналы церемониальные, банкетные и походные, 1743 года. Б. г. и м.
- Журнал 1744 – Журналы походные и церемониально-банкетные, 1744 года. Б. г. и м.
- Журнал 1745 – Церемониальные, банкетные и походные журналы, 1745 года. Б. г. и м.
- Журнал 1746 – Журналы церемониальный-банкетный, камер-фурьерские и путевые, 1746 года. Б. г. и м.
- Материалы АН – Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. V. СПб., 1889.
- Погосян – Погосян Е. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.
- Pogosjan – Pogosjan J. Masks and Masquerades at Court of Elizaveta Petrovna (1741-1744) // Russian History from the Time of Troubles to the collapse of the Soviet Union

/ Ed. by Steven Usitalo and William Benton Whisenhunt. Rowman & Littlefield. 2008. P. 34-50.

Погосян, Смержевских – Погосян Е., Смержевских М. «Я Деву в солнце зрю стоящу...»: образ апокалиптической Жены в русской официальной культуре 1695-1742 гг. // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. VIII. Tartu: Tartu Ulikooli Kirjastus, 2002. P. 9-37.

Санктпетербургский календарь на лето от Рождества Христова 1741-1760. СПб., 1740-1759.

Смержевских-Смирнова – Смержевских-Смирнова М. Назначение библейской и литургической цитаты в похвальных словах первой половины XVIII в. Тарту, 2003. Рукопись.

Соловьев – Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. XI. Т. 21-22. М., 1963.

Шаховской – Шаховской Я. П. Записки // Империя после Петра. 1725-1765. М., 1998. С. 9-224.

АНДРЕАС ШЁНЛЕ

ЭСТЕТИКА СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ У БОГДАНОВИЧА И ЕГО ПЕРЕВОД "ПОЭМЫ НА РАЗРУШЕНИЕ ЛИССАБОНА" ВОЛЬТЕРА

1 ноября 1755 года, как известно, в Лиссабоне произошло крупное землетрясение, которое причинило гибель существенной части населения, наряду со значительным разрушением города¹. До катастрофы Лиссабон был четвертым по размеру европейским городом, процветающим в основном за счет торговли с португальскими колониями. Новость о землетрясении быстро распространилась, вызвав глубокую тревогу у европейцев. Неожиданность и очевидная непостижимость этого события подрывали основные положения философского оптимизма, например, теории Пуупа и Лейбница о том, что все, что ни есть, все к лучшему. Одновременно землетрясение с трудом умещалось в провиденциалистскую парадигму христианского вероисповедания. В самом деле, если трактовать землетрясение в качестве проявления Божьего гнева, то как оправдать столь неразборчивую и выборочную кару²? Философские и политические дебаты, вызванные этой катастрофой, кристаллизовались в обсуждении нашумевшей поэмы Вольтера "Poème sur le désastre de Lisbonne"³. Написанная по горячим следам и быстро выпущенная в нескольких изданиях, поэма изобличала недостаточность и ограниченность многих тогдашних философских и религиозных систем перед лицом беспрецедентного страдания, причиненного землетрясением⁴.

В 1763 году, т. е. почти через 8 лет после этой полемики, молодой Богданович опубликовал свой перевод поэмы Вольтера. Его переложение до сих пор считается удачным и, несмотря на колкость Вольтера, которую Богданович только слегка смягчил, оно несколько раз пересиздавалось на протяжении XVIII в.⁵ О переводе существует известный комментарий И.З. Сермана, на который обычно ссылаются⁶, есть немало работ на эту тему, однако смысл перевода Богдановича и обстоятельства, вызвавшие его интерес к поэме Вольтера, до сих пор недостаточно четко отражены⁷.

Поэма Вольтера драматизирует неспособность разума "распутать узел". Она затрагивает разные философские системы, от рациональной теодицеи до эпикуреизма и скептицизма, и всякий раз пытается доказать неспособность каждой из них объяснить смысл страдания. Попутно она также опровергает